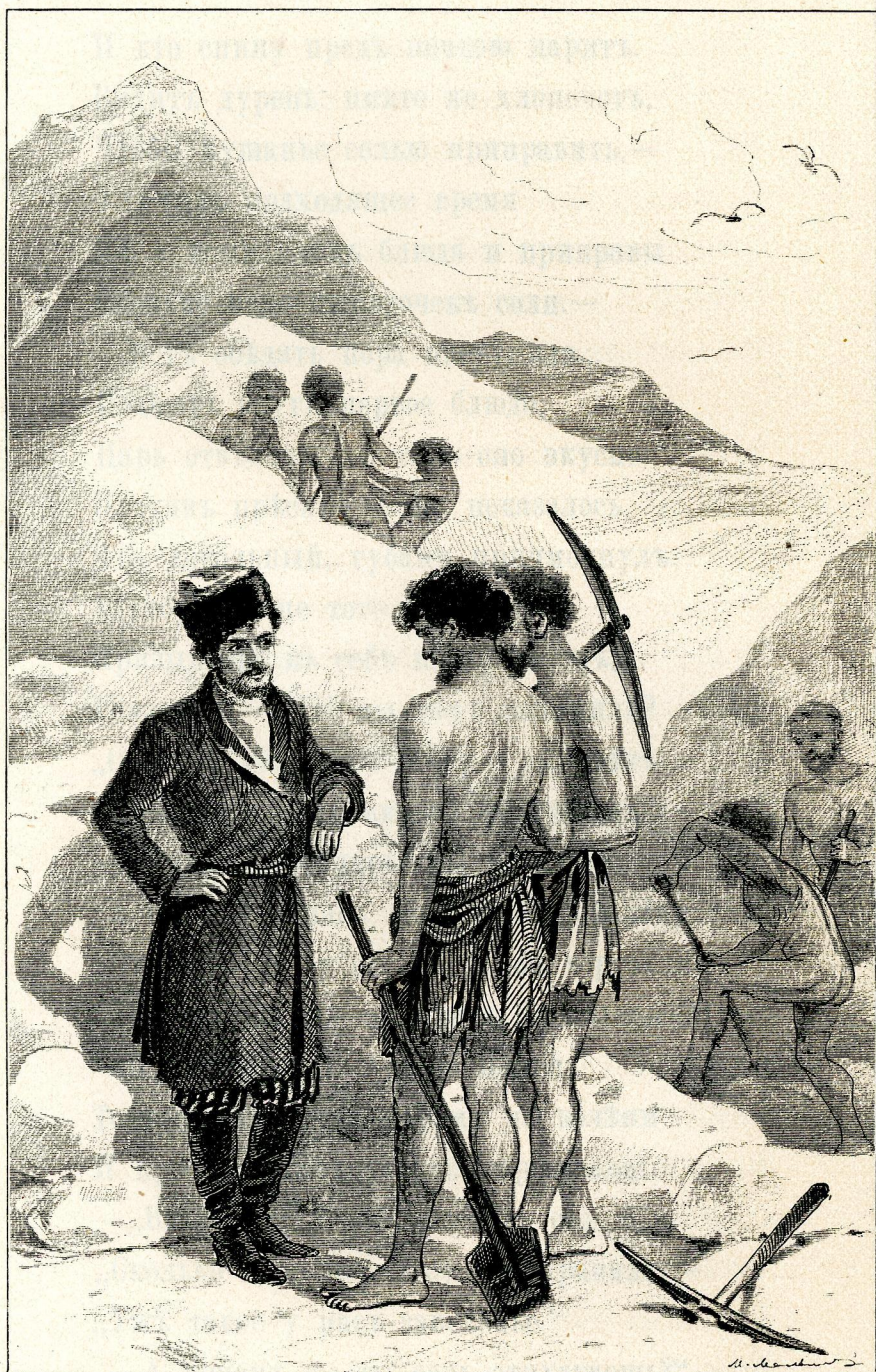

С О Л Ь.

Жилъ на свѣтѣ богатый купчина;
Торговаль онъ широко и бойко,
Посылая на собственныхъ стругахъ
Свой товаръ въ иноземныя страны.
Трехъ сыновъ родила ему баба:
Двухъ толковыхъ, Илью и Василья,
Да меньшаго, Иванушку-дурня. —
Вотъ однажды купчина два судна
Нагрузилъ драгоцѣннымъ товаромъ
И отправилъ ихъ въ дальнія земли
Съ сыновьями Ильей и Васильемъ.
Оскорбился Иванушка-дурень,
Что лишень онъ отцова довѣрья, —
И давай у купчины проситься
Отпустить его за море также,
Зашибать барыши своей сметкой.
— „Ну куда тебѣ, глупому, ѣхать?“
Разсмѣялся надъ дурнемъ родитель: —
„Ты не только добро растеряешь —

„Головы не воротишь, пожалуй!“
Но Иванъ приставадь неотступно,
И купецъ, его просьбой наскучивъ,
Согласился и далъ ему судно
Съ малоцѣннымъ сукномъ да холстиной.

Снарядился Иванъ въ путь-дорогу,
Распрощался съ родительскимъ домомъ,
И по синему морю пустился.
Вотъ плыветъ онъ и день, и недѣлю,—
Поднялася жестокая буря
И прибила Иваново судно
Къ островку средь открытаго моря.
Бросивъ якорь, Иванъ своимъ людямъ
Приказаль его тутъ дожидаться,
Самъ же выльзъ изъ судна на берегъ
И пошелъ предъ собой по тропинкѣ.
Шель да шель—у горы очутился;
Видить: голые люди повсюду,
Ковыряють лопатами гору,
Да бугры, словно снѣжные, сыплють.
—„Богъ вамъ на помочъ, добрые люди!
„Нагишомъ-то зачѣмъ вы трудитесь?“
—„И въ одеждѣ, дружокъ, работали,
„Да проклятая соль всю изъѣла!“
—„Не хотите-ль: сукна да холстины
„Я вамъ цѣлый корабль предоставлю,—

И кто спину предъ печкою парить.
Видить дурень: никто не хлопочетъ,
Чтобы кушанье солью приправить,—
Улучилъ подходящее время
Да и всыпаль въ блюда и приправы
Сколько надо щепоточекъ соли.—

Вотъ обѣдать пора наступила...
Подаютъ слуги первое блюдо,
Царь отвѣдалъ,—и такъ оно вкусно
Противъ прѣсныхъ ему показалось,
Что, довольный, губами причмокнулъ.
А второе—еще того лучше!
Призываетъ къ себѣ поваровъ онъ,
Говорить:—„Что вы тамъ положили?
„Сколько лѣтъ ужъ живу я на свѣтѣ—
„Никогда я такъ вкусно не кушалъ?“
—„Ничего, государь, мы не клали,
„А сидитъ у насъ въ кухнѣ пріѣзжій,
„Что просилъ у васъ вольной торговли,—
„Ужъ не онъ ли приправы подсыпаль?“

Привели къ государю Ивана;
Тотъ упалъ предъ царемъ на колѣни
И просить сталъ усердно прощенья;
—„Виноватъ: я всѣ кушанья солью,
„Сколько надо по вкусу, приправилъ,—
„Ужъ такое у насъ заведеніе.“
—„А почему же ты соль отпускаешь?“

„Да не дорого: дай за двѣ мѣры
„Серебра да червонцевъ по мѣрѣ.“
Царь охотно на то согласился
И купилъ весь товаръ у Ивана.
Тотъ не медля корабль опорожнилъ,
Серебра и червонцевъ насыпалъ
И сталъ ждать подходящаго вѣтра.

Захотѣлось прекрасной царевнѣ
Поглядѣть на русское судно;
И, спросивъ у царя позволенье,
Собрала она мамокъ и нянекъ
И поѣхала съ ними на пристань.
Показалъ ей Иванъ свое судно,
Назвалъ каждую часть именами
И завелъ напослѣдокъ въ каюту;
А работникамъ далъ приказанье
Якоря обрубить и немедля
Направляться въ открытое море.
Поднялась изъ каюты царевна,
Оглянулась — и горько всплакнула:
Вкругъ нея — одно синее море!
Паль предъ нею Иванъ на колѣни,
Сталъ просить со слезами прощенья,
Уговаривать ласковымъ словомъ...
На Ивана царевна взглянула,
Красотѣ молодца подивилась,

Улыбнулась и вскорѣ затихла.
Вотъ плывутъ они дальше и дальше;
Нагоняютъ ихъ старшіе братья...
Про Иванову удалъ узнали—
И проснулась въ нихъ злобная зависть.
Полонили корабль они брата
И, схвативъ его за руки крѣпко,
Ввергли тотчасъ въ пучину морскую.
Послѣ грузъ пополамъ раздѣлили:
Взялъ Илья себѣ царскую дочку,
Серебро и червонцы—Василій.
А Ивана межъ тѣмъ проглотила
Въ ту-жъ минуту огромная рыба,
Трое сутокъ въ себѣ продержала
И на берегъ крутой спрыгнула.
Отряхнулся Иванъ, встрепенулся,
И пошелъ по пробитой тропинкѣ.
Понадается вскорѣ на встрѣчу
Реликанъ съ пребольшими усами;
На усахъ рукавицы надѣты—
Послѣ дождичка вѣтромъ ихъ сушить.
—„Ты зачѣмъ здѣсь?“ спросилъ онъ Ивана.
Тотъ сказалъ ему все, какъ случилось.
—„Хочешь, къ дому тебя я доставлю?...
„Завтра свадьба Ильи и царевны...
„Полѣзай-ка скорѣй мнѣ на плечи!“
Подхватилъ молодца—и какъ вѣтеръ

Побѣжалъ черезъ синее море.—

—„Стой!“ кричитъ вдругъ Иванъ великану
„Уронилъ я бобровую шапку!“

—„Ну, дружокъ, далеко твоя шапка:

„Версть съ пятьсотъ уже сзади осталась!“

Великанъ, разсмѣявшись, отвѣтилъ.

Снесъ Ивана къ отцовскому дому,

Съ плечъ спустилъ и сказалъ:—„Не хвались же,

„Что на мнѣ переѣхалъ ты море,

„А то будетъ, дружокъ, тебѣ худо!“

Обѣщался Иванъ не хвалиться,

До земли добряку поклонился

И пустился къ отцовскому дому.

А ужъ тамъ жениха и невѣсту

Брать въ церковь, спѣша, собирають...

Увидала царевна Ивана,

Разметала и свахъ, и подружекъ,

И на грудь ему бросилась съ крикомъ:

—„Вотъ женихъ мой, любимый, желанный,

„А не тотъ, что со мною посаженъ!“

Удивился отецъ, растерялся:

—„Что такое?“ спросилъ онъ въ смущеньи.

Тутъ Иванъ разсказалъ все какъ было,

Какъ нечаянно солью разжился,

Какъ царю ее выгодно продалъ,

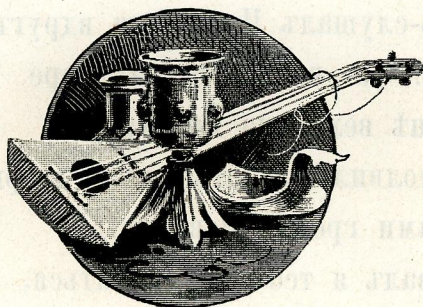
Какъ царевну-невѣсту похитилъ

И какъ братья его утопили.

Разсердился отецъ на виновныхъ,
Со двора ихъ согналъ ту жъ минуту,
А Ивана женилъ на царевнѣ.
Начался у нихъ пиръ да веселье;
Гости подпили, стали хвалиться
Кто богатствомъ, кто рѣдкою силой,
Кто красивой женой молодою.
Слушаль-слушаль Иванъ, да вдругъ съ-пьяна
И скажи:—„А вотъ я черезъ море
„На спинѣ великана проѣхалъ!“
Только молвилъ, а тотъ ужъ у двери
И усищами грозно шевелить:
—„Наказалъ я тебѣ не хвалиться,
„Такъ ты такъ то приказъ исполняешь?“
Оробѣлъ нашъ Иванъ, перетрусилъ:
—„Не губи! то не я похвалялся—
„Хмѣль проклятый во мнѣ развозился!“
—„А какой-такой хмѣль, покажи-ка!“
Прикатили двѣ полныя бочки
Съ яшнымъ пивомъ да крѣпкою водкой;
Великанъ осушилъ ихъ до капли,
Опьянѣлъ и пошелъ куралесить:
Всѣ деревья съ корнями повывалъ,
Разметалъ и дворы, и хоромы;
Послѣ разомъ какъ снопъ повалился
И проспалъ безъ просыпу недѣлю.

А какъ всталъ, да кругомъ оглянулся,
Сколько бѣдъ понадѣлалъ онъ пьяный—
Удивился до-челъзя и молвилъ:
—„Ну, Иванъ, хмѣль узналъ я, каковъ онъ,—
„Можешь мною хвалиться до вѣку!“

Знахарь.

Жилъ да былъ на селѣ мужичокъ
Продувной, по прозванью Жучокъ.
Утащилъ онъ у бабы холстину,
Схоронилъ за деревней въ тряси́ну,
И давай всюду хвастать и лгать,
Что онъ знахарь и мастеръ гадать.
Вотъ къ Жучку та бабенка приходитъ,
Разговоръ о пропажѣ заводитъ.
— „А что дашь?“ говоритъ ей мужикъ.
— „Масла фунтъ да крупы четверикъ.“
Взялъ у бабы еще онъ полтину
И сказалъ, гдѣ искать ей холстину.

Черезъ день увели у купца,
Дорогаго цѣной, жеребца:
Тотъ-же плутъ и укралъ, да въ лѣсочекъ
Уведя, привязалъ за-дубочекъ.
Посылаетъ купецъ за Жучкомъ:

Погадалъ мужичокъ и потомъ
Говорить:—„Поскорѣ идите
„Въ ближній лѣсъ и у дуба ищите.“
Въ лѣсъ пошли и нашли жеребца;
Получилъ сто рублей Жукъ съ купца—
И пошла о немъ слава по царству,
По всему по тому государству.—

Вотъ пропалъ у царя перстенецъ;
Долго шарили, сбилися съ ногъ,
Но нигдѣ перстенька не сыскали
И за знахаремъ тотчасъ послали.
Привезли; царь ему говоритъ:
—„Ну, коль скажешь, гдѣ перстень лежитъ,—
„Я взыщу тебя, знахарь, казною;
„А не скажешь—платись головою!“
И до утра, въ отдѣльный покой,
Былъ посаженъ мужикъ продувной.

Вотъ сидитъ онъ и тяжело вздыхаетъ:
Что онъ завтра царю наболтаетъ?
Царь не станетъ вѣдь съ плутомъ шутить:
Въ ту-жъ минуту прикажетъ казнить!
Забралась у Жучка душа въ пятки,
И рѣшилъ онъ бѣжать безъ оглядки,
Какъ пѣтухъ въ третій разъ пропоетъ.
Между тѣмъ страхъ ужасный беретъ

Трехъ дворовыхъ, что перстень стащили,
И съ испугу они порѣшили,
Чередуюсь, сидѣть у дверей,
Ждать отъ знахаря страшныхъ вѣстей.
Коль молчокъ—въ воровствѣ запирается,
А узнать—до нельзя стараться,
Чтобъ царю не сказалъ молодець,
Такъ какъ иначе—всѣмъ имъ конецъ!

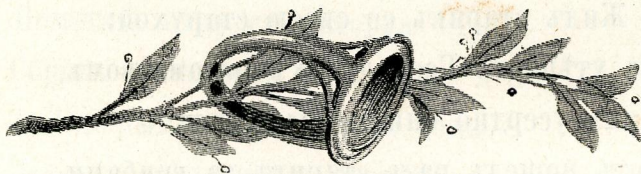
Первымъ кучера слушать послали.
Вдругъ въ полночь пѣтухи закричали.
—Слава Богу, одинъ ужъ и есть!
„Двухъ другихъ поскорѣе-бы счесть!“
Про себя бѣдный знахарь вздыхаетъ;
А досмотрщикъ, дрожа, убѣгаетъ
И товарищамъ такъ говорить:
—„Только сѣлъ я—какъ онъ закричитъ:
„Есть одинъ, а другихъ я поддѣну!“
—„Ладно!“ поваръ сказалъ—и на смѣну
Къ двери знахаря слушать подсѣлъ.

Вотъ пѣтухъ во второй разъ запѣлъ.
—Слава Богу, другаго дождался!
Бѣдный знахарь межъ тѣмъ утѣшался, —
„Одного лишь осталось ждать.“
Поваръ тотчасъ пустился бѣжать.
—„Братцы, плохо: и я не укрылся!“

Тутъ лакей въ ту-жъ минуту рѣшился,
Коль его угадаеть,—просить
Предъ царемъ преступленья ихъ скрыть,
И пошелъ, подлѣ двери усѣлся.

Вотъ и третій пѣтухъ вдругъ распѣлся.
— „Ну, теперь больше нечего ждать!“
Крикнулъ знахарь, собираясь бѣжать.
Тотчасъ воры Жучка переняли,
Царскій перстень ему передали,
Пали въ ноги и стали просить
Ихъ, семейныхъ людей, не губить.
Плутъ мужикъ мигомъ силы набрался,
Взялъ кольцо и простить обѣщался.
Послѣ, полъ оглядѣвъ, межъ досокъ
Спряталъ данный ему перстенецъ.
Утромъ царь мужика призываетъ:
— „Ну, что выгадалъ?“ Тотъ отвѣчаетъ,
Что кольцо схоронилось въ щели.
Стали шарить—и перстень нашли.
Царь пожаловалъ плута казною,
Съ царской кухни питьемъ и ѣдою,
И гулять въ садъ зеленый пошелъ;
На дорожкѣ жучка онъ нашелъ,
Взялъ и къ знахарю вдругъ воротился:
— „Ну, коль знахаремъ ты уродился,—
„Угадай, что держу я въ рукѣ?“

Испугался мужикъ и себѣ
Говорить, полный страха и муки:
— „Ну, попался Жучокъ царю въ руки!“
— „Молодецъ!“ царь его похвалилъ,
Денегъ далъ и домой отпустилъ.

Сказка о Заморышѣ.

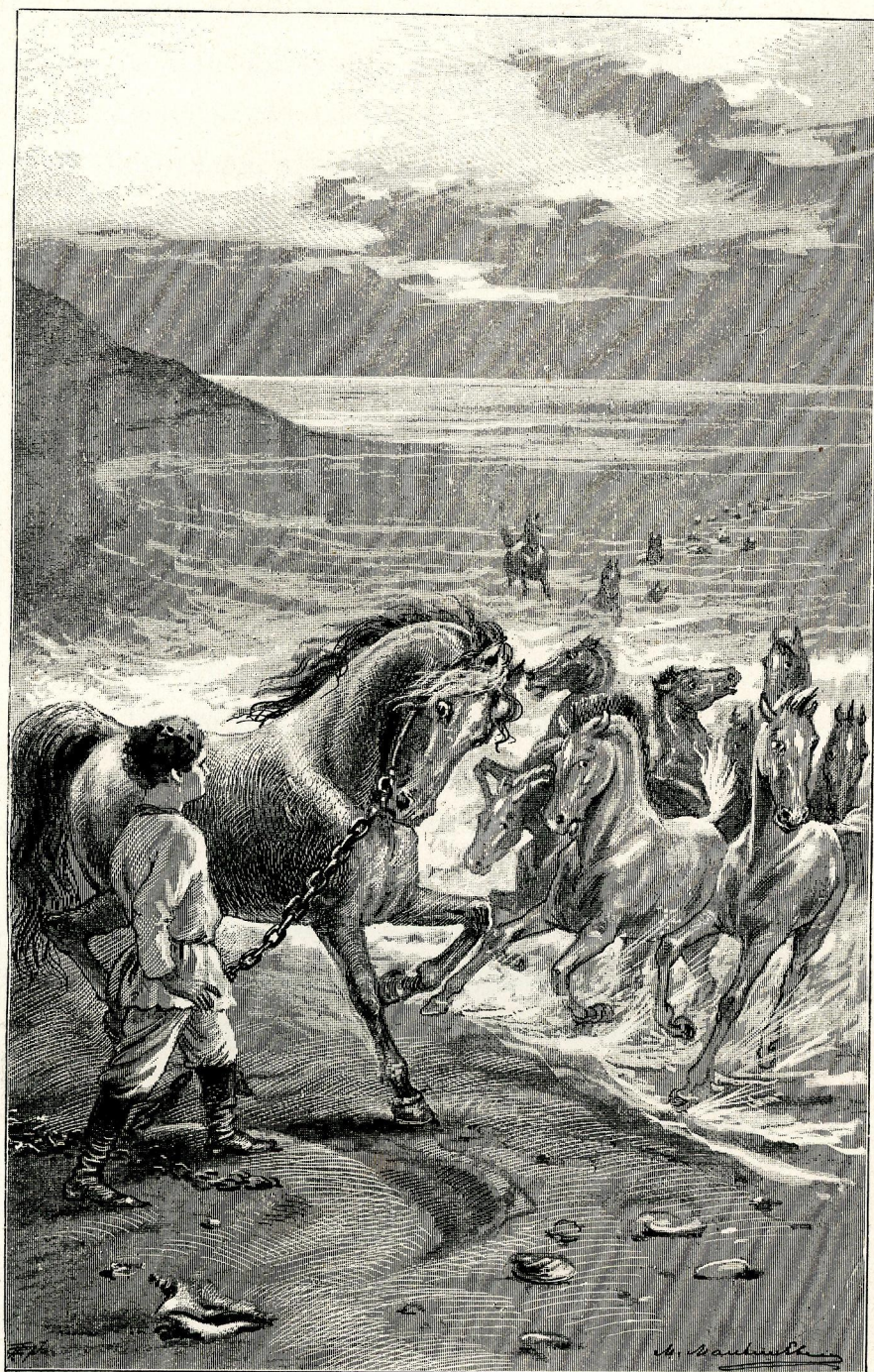
Жилъ старикъ со своею старухой;
Не утѣшилъ Господь ихъ потомствомъ,
Какъ усердно они не молились.
Вотъ пошелъ разъ старикъ за грибами,
Повстрѣчался въ лѣсу съ старымъ дѣдомъ;
— „Знаю“ — дѣдъ говорить — „что по дѣткамъ
„Ты, сердечный, тоскуешь да тужишь.
„Отправляйся скорѣе въ деревню,
„Собери со двора по яичку
„И тѣ яйца сложи подъ насѣдку;
„А что будетъ — самъ послѣ увидишь.“
Воротился старикъ нашъ въ деревню,
Обошелъ до единой всѣ избы
И, собравъ по яичку отъ каждой,
Положилъ яйца тѣ подъ насѣдку.
Вотъ прошло двѣ недѣли со днями,
Старики съ удивленіемъ видятъ,
Что изъ яицъ изъ тѣхъ народились
Сорокъ крѣпкихъ, здоровыхъ мальчишекъ

И одинъ слабоватый да хилый.
Сталъ старикъ ихъ крестить именами.
Надавалъ сорока, лишь меньшому
Въ святцахъ имени вдругъ не достало,
И Заморышемъ мальчика назвалъ.

Вотъ растутъ у старинушекъ дѣтки,
Не по днямъ—по часамъ назрѣвають.
Подросли—принялись за работу,
Помогать отцу съ матерью стали:
Сорокъ молодцевъ возятся въ полѣ,
А Заморышъ справляется дома.
Подошло сѣнокосное время;
Братя живо стоговъ наметали,
Черезъ недѣлю вернулись въ деревню,
Закусили и спать завалились.
Поглядѣлъ нашъ старикъ, усумнился:
—„Вотъ вѣдь младость! Ъдятъ себѣ плотно,
„Крѣпко спать, а работы, чай, мало
„За недѣлю за эту свалили!“
—„А ты прежде взгляни—сдѣлай милость!“
Отзывается батькѣ Заморышъ.
Снарядился старикъ и поѣхалъ;
Видитъ: сорокъ стоговъ пребольшихъ
Середь луга стоятъ, зеленѣютъ.
—„Вотъ такъ парни!“ старикъ такъ и ахнулъ,—
„За недѣлю что сѣна убрали!“

На другой день онъ снова собрался

Глазъ хозяйскій удачей потѣшить;
Въ лугъ пріѣхалъ, считать началъ стоги,
Посмотрѣлъ: одного не хватаетъ!
Воротился, сынкамъ объявляетъ.
— „Ничего!“ отвѣчаетъ Заморышъ,—
„Вскорѣ вора того мы поймаетъ;
„Дай мнѣ только рублей эдакъ съ сотню,
„А я дѣло ужъ это устрою.“
Далъ старикъ ему нужныя деньги,
И Заморышъ отправился въ кузню.
Говоритъ кузнецу:— „Коли сможешь
— „Мнѣ сковать цѣпь такую, которой
„Можно было-бъ обвинить человѣка,—
„Сто рублей ты сейчасъ-же получишь;
„Только помни: работай прочнѣе;
„Коли лопнетъ—не жди себѣ платы,
„Пропадетъ твое время задаромъ.“
Цѣпь кузнецъ недолгѣ изготовилъ;
Взялъ Заморышъ, кругомъ себя обвинилъ,
Понатужился—цѣпь разорвалась.
Вдвое крѣпче кузнецъ приготовилъ;
Та годилась. Заморышъ, по чести,
Съ кузнецомъ въ тотъ-же часъ разсчитался,
Цѣпь унесъ и пошелъ караулить:
Сѣлъ у стога и сталъ дожидаться.
Въ полночь самую сильная буря
Поднялась, всколыхала все море—

И изъ глуби морской вдругъ явилась
Небывалой красы кобылица,
Подбѣжала къ ближайшему стогу,
И давай ѣсть душистое сѣно.
Вмигъ Заморышъ къ воровкѣ подкрался,
Обмоталъ ее цѣпью желѣзной
И верхомъ на кобылку усѣлся.
Стала мыкать его кобылица,
По горамъ, по долинамъ носиться;
Нѣтъ, пришлось ѣздохъ не по силамъ!
Вотъ смирилась и рѣчью людскою
Ѣздоху своему она молвить:
— „Ну, коль ты усидѣлъ, не свалился,
„То возьми ужъ моихъ жеребятыхъ.“
Къ синю-морею тотчасъ кобылица
Подбѣжала и громко заржала;
Всколыхнулося синее море,
И вдругъ сорокъ-одинъ жеребенокъ,
Красотой одинъ лучше другаго,
Вышли вонъ, отъ воды отряхаясь.
Удивился старикъ, когда утромъ
Онъ слышалъ и топотъ, и ржанье,
И табунъ увидалъ подъ окошкомъ;
А Заморышъ ребятъ поздравляетъ:
— „Ну, теперь мы съ лошадами, братцы!
„Бдемъ вмѣстѣ невѣсть себѣ сватать!“
Согласились съ Заморышемъ братья

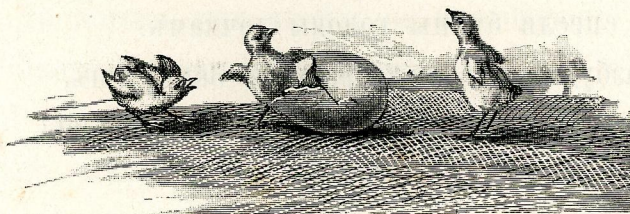
И, спросивъ у отца позволенье,
Въ путь далекій не медля пустились.

Долго ѣздили братья по свѣту,
Да и гдѣ-же невѣсть найти столько?
Врозь жениться—какъ будто неловко,
Чтобъ другому завидно не стало;
А такую оравую дочекъ
Мать какая похвастаться можетъ?
Далеко молодцы закатились;
Вотъ увидѣли гору крутую
И на ней расписныя палаты;
Вкругъ строеній—со спицами стѣны,
У воротъ врыты столбики рядомъ.
Сосчитали—всего съ однимъ сорокъ.
Привязали лошадокъ къ нимъ братья
И на дворъ перешли на мощеный.
Ихъ встрѣчаетъ съ ругательствомъ вѣдьма:
—„Ахъ вы гости, постылый народецъ,
„Какъ коней вы привязывать смѣли?“
—„Ну ты, старая, полно кричать-то!
„Накорми насъ сперва, въ банькѣ вымой,
„Да потомъ ужъ и лѣзь съ разговоромъ!“
Накормила ихъ вѣдьма, помыла,
И спрашивать молодецъ стала:
Кто, откуда, куда проѣзжаютъ?
—„Ѣдемъ, бабушка, суженыхъ сватать!“

— „У меня дочки есть—посмотрите!“
Говорить вѣдьма братьямъ и тотчасъ
Побѣжала въ палаты къ дѣвицамъ
И приводить ихъ сорокъ съ одною.
Братьямъ дочки пришлись по сердцу,—
Стали всѣ пировать, править свадьбы.
Послѣ ужина вышелъ Заморышъ
Дать коню своему на ночь корму;
Увидалъ его конь и промолвилъ:
— „Ты смотри, берегися, хозяинъ!
„Какъ пойдете теперь вы на отдыхъ,
„Женъ въ одежду свою нарядите,
„Сами-жъ женины платья надѣньте,
„А не то всѣмъ придется вамъ худо.“
Братьямъ передалъ это Заморышъ;
Платьемъ съ женами всѣ помѣнялись,
Спать легли и скоренько уснули;
Лишь Заморышъ очей не смыкаетъ....

Въ полночь самую вѣдьма вскричала:
— „Эй вы, слуги мои, прибѣгайте,
„Буйны головы молодцамъ рѣжьте!“
Прибѣжали съ сѣкирами слуги
И снесли буйны головы дочкамъ.
Разбудилъ своихъ братьевъ Заморышъ,
Разсказалъ имъ про все, что случилось;
Братья мертвыя головы взяли,
На желѣзныя спицы воткнули

И, коней осѣдлавши, немедля
Изъ проклятаго мѣста умчались.
Поутру вѣдьма злая проснулась
И, увидѣвъ, что головы дочекъ
На желѣзныя спицы надѣты,
Разозлилась и съ пѣною у рта,
Со щитомъ своимъ огненнымъ, тотчасъ
За гостями въ погоню пустилась,
Все кругомъ и паля, и сжигая.
Куда молодцамъ бѣднымъ укрыться?
Впереди сине-море бушуетъ,
Сзади вѣдьма палить и сжигаетъ!
Хорошо, что Заморышъ догадливъ:
Захватилъ у старухи платочекъ;
Помахалъ онъ платкомъ предъ собою —
И чрезъ все необъятное море
Мостъ длиннѣйшій сейчасъ протянулся.
Перебравшись, платочкомъ Заморышъ
Помахалъ — и моста не бывало!
Вѣдьма съ носомъ назадъ воротилась,
Молодцы-же домой покатили.

Жилъ-былъ попъ съ попадьєю на свѣтѣ;
И была у нихъ дочка Аленка
Да сыночекъ-малютка Ивашко.
Вотъ Аленка разъ матушку просить:
— „Отпусти меня въ лѣсъ по бруснику“.
— „Хорошо, но возьми съ собой брата“.
— „Да зачѣмъ? онъ—мальчишка лѣнивый.
„Порожнемъ принесетъ кузовочекъ“.
— „Ничего, ты возьми его все-же,
„А кто ягодъ найдетъ изъ васъ больше,
„Тому красные дамъ я сапожки“.

Вотъ пришли братъ съ сестрою въ лѣсочекъ;
Рветъ да рветъ себѣ ягоду мальчикъ
Да прилежно кладетъ въ кузовочекъ,
А Аленка все ротъ набиваетъ
И забыла совсѣмъ про корзинку.
Стало время домой собираться...
Видить: кузовъ Ивашки весь полный,
А ея-то чуть-чуть не порожній.
Очень стало Аленкѣ завидно:
— „Ты прилягъ, говорить, ко мнѣ братецъ,
„Поищу у тебя я въ головкѣ.“
Легъ Ивашко и вскорѣ забылся.
Вотъ Аленка ножъ острый достала,
Перерѣзала мальчику горло,
Схоронила подъ деревомъ, въ ямкѣ,
И взяла его кузовъ съ брусникой.
Возвратилась и маткѣ приносить.
— „Гдѣ-же братъ?“ попадья удивилась.
— „Заблудился въ лѣсу; я искала,
„Но никакъ не могла доискаться!“
Долго ждали родители сына,
Да и прѣждали такъ понапрасну.
А межъ тѣмъ на могилкѣ Ивашки
Поднялася прямая тростинка;
Шли лѣскомъ пастухи со стадами,
Увидали, тростинкой плѣнились,
И одинъ изъ нихъ, срѣзавъ тростинку,

Сдѣлалъ дудку и пробовать началъ;
Дудка тотчасъ сама заиграла:

„Тише, пастухъ! Легче играй!
„Сердце больное не растравляй!
„Сгубленъ я, бѣдный, старшей сестрой,
„Паль я, зарѣзанъ близкой рукой.“

— „Вотъ такъ дудка!“ пастухъ удивился,—
„Говорить и за сердце хватаетъ;
„Ну, не малаго стоитъ тростинка!“
— „Дай, попробую“ просить товарищъ;
Взялъ тростинку и ко рту приставилъ;
То-же самое та проиграла.
Попытался и третій,—все то-же!

Вотъ пришли пастухи на деревню,
У поповской избы постучались:
— „Допусти насъ, отецъ, до ночлега.“
— „Тѣсно, братцы!“ имъ попъ отвѣчаетъ.
— „Допусти, тебѣ диво покажемъ!“
Попъ пустилъ пастуховъ и пытается,
Не встрѣчали-ль они гдѣ Ивашку?
— „Не видали; а вотъ по дорогѣ
„Изъ тростинки мы сдѣлали дудку,
„И сама эта дудка играетъ,—
„То-то диво!“ Пастухъ взялъ тростинку,
Приложился—и та заиграла:

„Тише, пастухъ! Легче играй!
„Сердце больное не растрavляй!
„Сгубленъ я, бѣдный, старшей сестрой,
„Паль я, зарѣзанъ близкой рукой“.

— „Вотъ диковина!“ попъ удивился;—
„Дай, попробую“... Взялъ и играетъ:

„Тише, отецъ! Легче играй!
„Сердце больное не растрavляй!
„Сгубленъ я, бѣдный, старшей сестрой,
„Паль я, зарѣзанъ близкой рукой“.

— „Да не плачетъ-ли то мой Ивашко?“
Попъ подумалъ и матушку позвалъ:
— „Ну, сыграй, у тебя что-то выйдеть.“
Та послушалась,—дудка съиграла:

„Тише, родная! Легче играй!
„Сердце больное не растрavляй!
„Сгубленъ я, бѣдный, старшей сестрой,
„Паль я, зарѣзанъ близкой рукой“.

— „А гдѣ дочь.“ попъ спросилъ.— „Позовите!“
Привели изъ чулана Аленку,
Гдѣ со страху она притаилась.
— „Ну, играй“ попъ ее понуждаетъ.
— „Не смогу“... было та заикнулась;
Но отецъ пригрозилъ и заставилъ.

Дудку дочка къ губамъ приложила—
И тростинка заняла тоскливо:

„Тише, сестрица! Легче играй!
„Сердце больное не растравляй!
„Сгубленъ я, бѣдный, одною тобой,
„Паль я зарѣзанъ твоею рукой!“

Тутъ Аленка во всемъ повинилась;
Прогнѣвился отецъ и на вѣки
Выгналъ дочь изъ отцовскаго дома.

